

В О С Т О К

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

К Н И Г А П Я Т А Я

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

МУРАСАКИ-СИКИБУ

ВЕЧЕРНИЙ ЛИК

(Ю Г А О)

Глава из „Повести о Гэндзи“.

Японская история знает три больших культурно-исторических эпохи, каждая из которых характеризуется преобладанием какого-либо сословия. С VIII по XII в. господствовала аристократия; с XII по XIX в. — воинское сословие; с середины XIX в. политически господствует буржуазия. Каждое из этих сословий создало свою культуру и свою литературу, наилучше его выражающих. И каждая из этих трех литератур имеет свое центральное произведение, наилучше ее представляющее. „Повесть о Гэндзи“ — и с точки зрения личности автора, и со стороны сюжета и формы — наиболее полный и блестящий представитель первой из этих трех эпох.

Искусство „светской жизни“, хорошо знакомое нашему европейскому „галантному веку“, было не менее детально и тонко разработано и на островах „Восходящего Солнца“ — особенно в ту пору, которая носит название Хэйанской (IX — XII в.в.): в классическую эпоху придворной аристократической культуры.

До нас дошли — в литературных памятниках того времени — прекрасные описания тех „собраний“, посвященных „галантному“ времяпрепровождению, которые так часто устраивались и в домах аристократов, и особенно во дворце.

Нам известно и содержание интимных приятельских бесед в отдаленных тихих покоях, по вечерам — и даже, нередко, по целым ночам: повествование не без хвастовства, о любовных подвигах и рассуждениях о женщинах.

Одну из таких бесед записала придворная дама Мурасаки-Сикибу, автор знаменитого романа классической Японии „Повести о Гэндзи“ (вышел в свет в 1001 году). И стала она под названием „Беседы о женских нравах в дождливую ночь“ известной на все времена для Японии, предметом цитат и ссылок, подражаний и восхищений.

Такая беседа создана автором в качестве основы для всего романа. Все многочисленные главы „Повести о Гэндзи“ живописуют какой-нибудь отдельный тип, женщины, так что, если „беседа в дождливую ночь“ дает галерею женских типов в теоретическом освещении, последующие главы дают ряд конкретных образов.

Живописанию одного из женских образов, характерных для этой эпохи, посвящена ныне переводимая IV глава „Повести“. Для понимания ее нужно знать только одно: герой романа, Гэндзи — сын императора от его любимой наложницы, прекрасный собою и наделенный непобедимым очарованием. Его жизнь рисуется в повести, и IV глава дает нам один эпизод этой жизни, вполне независимый и законченный.

Это было в ту пору, когда Гэндзи тайком навещал даму, жившую в районе шестого проспекта ¹⁾. Выехав из дворца, он задумал проведать свою прежнюю кормилицу, которая сильно занемогла и постриглась в монахини ²⁾, и добрался до ее жилища на пятом проспекте.

Ворота, куда можно было ввести экипаж, оказались закрытыми, и Гэндзи, послав слугу позвать Корэмицу ³⁾, сам стал разглядывать картину той неприглядной улицы, что была перед ним ⁴⁾.

Рядом с домом кормилицы стоял чей-то новый деревянный забор, и поверх его видны были решетчатые жалюзи; они были на четыре-пять футов приподняты вверх, и сквозь них свежо белелись занавески. Оттуда выглядывало несколько миловидных женских лиц.

Женщины толпились, там сился приподняться повыше, и Гэндзи — представившему себе их во весь рост — они показались ужасно высокими. „Кто это такие?“ — подумал он, заинтересовавшись.

Своему экипажу он приказал придать самый простой вид, передовых скороходов с ним не было, так что Гэндзи, совершенно спокойный за то, что его никто не узнает, принялся разглядывать этот дом.

Створчатая решетка ворот была открыта, и взор беспрепятственно проникал внутрь: то было бедное жилище, — и Гэндзи почувствовал жалость. Ему вспомнились слова стихотворения:

¹⁾ Город Хэйан (ныне Киото) в эту эпоху был распланирован в строго геометрическом порядке: через всю его территорию проходило несколько главных артерий — так сказать „проспектов“, и от них в обе стороны расходились боковые улицы — так сказать „линии“.

²⁾ Как в Хэйанскую эпоху, так и позднее — в Японии в среде верующих буддистов было распространено убеждение в том, что монашеский постриг (так сказать „схима“), принимаемый в момент особенного обострения болезни, может привести к выздоровлению или облегчению страданий.

³⁾ Корэмицу — один из слуг, наперсник Гэндзи.

⁴⁾ Квартал, в котором обитала кормилица Гэндзи, был заселен главным образом простолюдинами.

„На свете целом...“ ¹⁾ Жилище это было совсем как то, о котором говорится в стихах: „И терраса из яшмы...“ ²⁾ По сплетенной ограде красиво ползли зеленые ветви вьющихся растений.

Белые цветы — в горделивом одиночестве — раскрывали свои смеющиеся глазки.

„У путника издалека... спрошу...“ ³⁾ промолвил тихо Гэндзи, и один из его слуг тут приблизился к нему и заметил:

— Эти белые цветы зовутся Югао („Вечерний Лик“). Имя у них — как у людей... На какой невзрачной ограде приходится им цвести!

И в самом деле: в этих неприглядных местах, где кругом стояли лишь одни маленькие домики, где все — и то, и это качалось от ветхости, они вились по шатающемуся карнизу кровли.

— Бедные цветики! Сорви мне один! — сказал Гэндзи слуге.

Тот вошел в ворота, что были открыты, и стал рвать цветы. В этот миг из входной двери, сделанной — между прочим — довольно изящно, вышла миловидная девочка в одежде из легкого желтого шелка и в длинной юбке. Она поманила рукою слугу.

Подавая ему белый, сильно надушенный веер, она проговорила:

— Подай цветок вот на этом! Цветочки так, без веток — будут наверное некрасивы... — Тут в воротах показался Корэмицу и сам подал цветы Гэндзи.

— Никак ключ не могли найти! Простите, пожалуйста. Хотя тут и некому узнавать вас, но все же неудобно стоять так на улице и ждать!... — извинялся он.

Гэндзи ввел экипаж и сошел на землю. У больной собрались: монах — старший брат Корэмицу, зять старушки — правитель провинции Микава, ее дочь; и все они были очень рады посещению

¹⁾ Обычная для Мурасаки манера — вставлять в свой текст цитаты из хорошо известных тогда стихотворений. Все стихотворение звучит следующим образом:

На свете целом,
Скажите, где же
Найду приют я,
Где б мог остановиться
Свои скитанья?

²⁾ Стихотворение полностью таково:

И терраса из яшмы
Зачем нам с тобою,
Когда можем заснуть
Мы с тобой в шалаше
Из плюща густого...

³⁾ Стихотворение полностью таково:

У путника, издалека
Пришел что, вот спрошу...
Спрошу я, как зовут
Цветы те, что цветут
Белея там вдали?

Гэндзи и были превыше всякой меры ему благодарны. Монахиня, кормилица Гэндзи, приподнявшись на ложе, обратилась к нему:

— Мне жизни не жалъ, но с одним расставаться тяжело: с возможностью вот так видеть вас и служить вам. Это все должно измениться! — думала я с горечью, и все время боролась со смертью. Но вот — потому ли, что приняла я священные обеты — только жизнь вновь вернулась ко мне. Теперь, когда вы, вот так, побывали у меня, когда я вас повидала, теперь я готова с чистым сердцем предстать пред божественным светом Амитаба ¹⁾, — сказала она и, ослабевшая от болезни, заплакала.

— Я сам очень горевал, что тебе в последнее время так сильно недужится. Теперь же ты еще приняла постриг, и это совсем уже грустно... Живи подольше, дождись того, как я достигну высоких чинов! ²⁾ В горных обителях рая ты, конечно, возродившись благополучно, но я слышал, что если люди здесь на земле оставляют хоть в чем-нибудь чувство неудовлетворенности, это причинит им страдания там, — говорил Гэндзи со слезами.

Даже урод, и тот в глазах кормилицы своей представлялся бы безгранично привлекательным, — а тут был сам Гэндзи, которого она выходила и которому служила! Он был так дорог ей, она с такой признательностью о нем помышляла, что все время, сама того не замечая, проливала слезы.

Корэмичу с братом были очень недовольны: „Если ей так трудно расставаться с этим миром, от которого она сама же отреклась, то чего же еще расстраивать господина?“ — толковали они между собой, подсев друг к другу и бросая на нее косые взгляды.

Гэндзи был очень расстроен:

Еще в раннем детстве я был покинут один на этом свете дорогими мне людьми ³⁾; много народу заботилось обо мне, но к тебе я привязался сильнее, чем ко всем другим. После, когда я стал взрослым, я был связан своим положением и не мог поэтому более видеть тебя по утрам и вечерам; не мог и навещать

¹⁾ Амитаба, яп. Амида, — одно из наиболее чтимых, особенно в секте „Чистой земли“, буддийских божеств.

²⁾ При бюрократической организации Хэйанской монархии чиновничество и „табель о рангах“ занимает очень большое место в жизни и карьере представителей правящего сословия.

³⁾ В раннем детстве Гэндзи потерял свою мать; вскоре умерла и его бабка, на попечении которой он остался после матери.

⁴⁾ Гэндзи вспоминает известное стихотворение:

Если б на свете
Неизбежной разлуки
Вовсе не стало!..
Хоть ради детей тех, что молят
О жизни в тысячу лет...

тебя, когда того хотелось. Однако, долго не видя тебя, я всегда скорбел в своем сердце: „Если б на свете неизбежной разлуки не стало!“¹⁾ — так обстоятельно беседовал он с нею, и благоухание от его рукавов, которыми он отирал свои слезы, наполнило ароматом все уголки помещения. И даже дети старой монахини, до этого времени ворчавшие на нее, и те смягчились: „Поистине, — подумали они, — завидная судьба у нее — быть кормилицей такого господина!“

Отдав приказание возносить в дальнейшем моления о здравии больной, Гэндзи отбыл из дома кормилицы, и при выходе, распорядившись Корэмицу о факеле, стал рассматривать полученный с цветами веер. Видно было, что этот веер был в постоянном употреблении и весь пропитался приятными духами дамы. Тут же оказалась и красивая надпись:

Сердце — в догадках:
„То — он ли?“ — взирает...
Взирает Югао,
Цветок, что сияет
Светлой росой.

Написано было небрежно и спутанными знаками, но так как здесь чувствовался изящный вкус, то Гэндзи, против ожидания, это стихотворение понравилось.

Кто живет здесь по соседству? Ты знаешь? — спросил он у Корэмицу.

„Ну! Господин мой опять за свое!“ — подумал тот, но сказать это прямо не решился.

— Хотя и живу я здесь вот уже пять или шесть дней, но все время был занят ухаживанием за больной и поэтому о соседнем доме не имел никакого понятия, — дал он неутешительный ответ.

— Ты, кажется, предполагаешь, что здесь затронуто мое любовное любопытство... Но дело в том, что мне хотелось бы кое о чем спросить в связи с этим веером. Поищи кого-нибудь, кто знает эти места, и узнай! — повелел ему Гэндзи.

Корэмицу вошел в ворота и, кликнув привратника, стал его спрашивать.

— Это дом одного господина, который носит номинальное звание „правителя провинции“¹⁾. Сам хозяин в настоящее время в отъезде, в провинции, а его супруга здесь. Это молодая, красивая собою дама. Сейчас у нее сестра, которая служит при дворе, — ответил тот.

Корэмицу, передав все это Гэндзи, добавил: — А подробностей он, кажется, и сам не знает.

¹⁾ Одно из многочисленных в ту эпоху званий и титулов, лишенных реального содержания и не связанных с какими-либо конкретными должностями.

Гэндзи подумал: „Если так, то стихотворение послала мне та, что служит при дворе. — зная меня по двору“. Однако, хоть и решил, что она не может быть достойна внимания, но все же содержание стихотворения и обращение к себе ему очень понравились. Гэндзи был всегда слаб в этом отношении. Поэтому он вытащил из кармана бумагу и измененным почерком — чтоб не узнали — написал:

Ближе подойди —
 Может быть, узнаешь...
 Те цветы Югао,
 Что в сумерках теперь
 Неясно так блистают.

и отослал с тем же слугою.

Слуга направился к дому Югао: „Хоть они, повидимому, и не видели господина, но, вероятно, прекрасно сообразили, что это — именно он. И вот, не желая так упускать его, они и решили его затронуть. Но так как время шло, а ответа не было, они, надо полагать, чувствовали себя обескураженными. Теперь — вот он, этот нарочно для них написанный ответ. Тут они растают и подымут переполох: „Что он там написал, что написал...“ — размышлял он с неудовольствием.

При тусклом свете передовых факелов Гэндзи потихоньку выехал из дома кормилицы. Жалюзи в доме рядом были уже опущены. Свет, проникавший сквозь щели, был еще неярче, чем светлячки, и вызвал грустное чувство.

Жилище той, куда ехал Гэндзи, было совсем в другом роде: деревья, палисадник перед домом — все было иначе, чем у обыкновенных людей. Дама эта жила приятно и даже чрезмерно роскошно. Чинный вид самой дамы, ее наружность были настолько иными, что Гэндзи было не до воспоминаний о неказистом дощатом заборе Югао.

На следующее утро он немного заспался и вышел из опочивальни, когда солнце уже ярко светило. Его „утренний облик“ ¹⁾ был настолько очарователен, что становилось понятным, почему все им так восхищались.

На обратном пути сегодня он опять проехал мимо тех жалюзи. И раньше он не раз проезжал здесь, но теперь в его сердце запало это коротенькое стихотворение, и каждый раз, проезжая, он

¹⁾ Образ „утренний облик“ заимствован из стихотворения:

Милого друга
 Утренний облик...
 Не взвидела света!
 Весь день провожу
 В тоскливых мечтаньях...

обращал на это жилище свой взор с мыслью: „Кто бы мог жить здесь, в этом доме?“

Корэмицу явился через несколько дней.

Больная была очень слаба, и пришлось ходить и смотреть за нею, — сказал он и, подойдя к Гэндзи поближе, стал рассказывать:

— После того как вы приказали мне насчет того дома, я отыскал человека, который знает все по соседству, и стал его расспрашивать. Однако и он не мог сказать ничего определенного. Он сообщил мне только, что около пятой луны этого года там появилась под большой тайной какая-то женщина. Но и домашним не было объявлено, кто она такая. Я время от времени подглядывал сквозь щели забора и разглядел там фигуры молодых женщин.

Среди них есть одна — повидимому, благородная, и носит она простое платье только для вида. Вчера лучи заходящего солнца озарили все уголки у них, и я очень хорошо рассмотрел: она писала письмо; лицо ее оказалось очень красивым, но она как будто была погружена в какие-то печальные думы; и некоторые из женщин там тоже как будто плакали, — говорил Корэмицу.

Гэндзи улыбнулся: „Надо бы с нею познакомиться!“ подумал он.

„Господин мой занимает высокое положение в свете, но если принять во внимание его возраст ¹⁾ и то, как все им восхищаются, — пожалуй, не увлекайся он так, ему было бы грустно и скучно.

Ведь даже и те, кто не пользуется таким вниманием к себе со стороны света, — и они в известных случаях отдаются любви“, — размышлял Корэмицу и продолжал далее:

Мне хотелось как-нибудь познакомиться с нею. Поэтому, выдумав какой-то незначительный предлог, я послал ей письмо. Ответ пришел очень быстро — и написанный очень умелой рукою. Безусловно это достойная внимания молодая дама! — заключил он.

— Узнай ее поближе! Жалко будет, если ты не узнаешь о ней всех подробностей, — проговорил Гэндзи и подивился в душе:

„В самом низу общества, в жилищах, к которым все относится с пренебрежением, все же случается иногда подметить, совершенно неожиданно для себя, нечто достойное внимания,“ — вспомнились ему слова приятеля ²⁾.

¹⁾ В момент настоящего рассказа Гэндзи было 17 лет.

²⁾ Ссылка на ту „беседу о женщинах в дождливую ночь“, где один из принимавших участие высказывает эту мысль.

Подглядывания Коремичу, что поручил ему Гэндзи, закончились тем, что он разузнал много подробностей.

Кто такая она сама, — я так и не мог догадаться. Заметно, что она старательно таится. Случается, что молодые женщины в доме выходят, когда им становится скучно, в наружный коридор на южную сторону дома, где есть подъемные жалюзи, и когда на улице послышится шум экипажа, — начинают выглядывать наружу. Бывает при этом, что и она — как будто их госпожа — тоже тихонько к ним выходит. Я не успел ее рассмотреть хорошенько, но, кажется, она очень недурна. Как-то раз по улице проезжали „передовые“¹⁾, и маленькая прислужница, выглянув наружу, поспешно закричала: „Госпожа Укон! Смотрите скорее! Сейчас проедет господин Тюдзё“. На ее крик вышла довольно красивая служанка²⁾: „Чего ты кричишь?“ сказала она и, замахав руками, остановила девочку. „Из чего ты это видишь? Дай-ка я посмотрю“, — добавила она и украдкой вышла наружу. Чтобы выйти в коридор, нужно было по дороге пройти через что-то вроде мостика. Сбежавшиеся на крик женщины цеплялись подолами то за одно, то за другое, и падали, а некоторые даже сваливались с мостика вниз. — „Ах, проклятый мост!“³⁾ ворчали они, и любопытство их остывало. Господин Тюдзё в этот день был одет в свое придворное платье, с ним были слуги. Девочка перечисляла их: „Это — такой-то, а это — такой-то...“ — что и служит доказательством того, что люди господина Тюдзё эту девочку знают, — рассказывал Коремичу.

— Итак, это — Тюдзё!⁴⁾ произнес Гэндзи. „Да, это — та, которую желаешь и не можешь забыть“, — понял он, и ему сильно захотелось с ней познакомиться.

Коремичу, наблюдая за ним, произнес:

— У меня также есть там зазноба и, воспользовавшись этим, я и узнал все подробности. Дело в том, что в доме этом живет одна молодая женщина, которая старается внушить другим, что она — такая же, как и все прочие там. Я бывал у них, зная, что меня водят за нос, — и они до сих пор пребывают в уверенности,

1) „Передовые“ — т. е. очищающие дорогу по пути следований экипажа знатного хэйанца.

2) Она впоследствии выступит под именем Укон, ближайшей наперстницы Югао.

3) Здесь вспоминается заклятье, в гневе положенное на один мост божеством Кацураги.

4) Во время „беседы в дождливую ночь“ один из приятелей Гэндзи рассказал об одном эпизоде из своей жизни, героиня которого охарактеризована была им чертами, сходными с характером Югао. Все это, а также теперь уже прямое указание Коремичу окончательно убеждает Гэндзи, что у Югао раньше была связь с его приятелем.

что прекрасно все скрыли. Но есть там одна маленькая девочка, — и она иногда проговаривается ¹⁾. Тут начинают все заговаривать зубы и усиленно делают вид, будто никого особенного среди них нет, — со смехом повествовал Корэмицу.

„Пусть это будет и временным жилищем для нее, но все же, — если принять в расчет каково это жилье, в котором она обитает, выходит, как будто, что она из тех самых низших классов, о которых так пренебрежительно отзывался Самма-но-Ками ²⁾. Но ведь и в их среде иногда — против всякого ожидания — обнаруживаются прелестные женщины...“ размышлял Гэндзи.

Корэмицу старался даже в мелочах угодить Гэндзи, да к тому же и сам был достаточно падок на любовные приключения. Поэтому он продолжал ходить туда, стараясь все время как-нибудь обмануть их, — и в конце концов устроил так, что провел туда Гэндзи. Рассказывать об этом скучно, и я, как всегда, это все пропускаю ³⁾.

Гэндзи не стал расспрашивать женщину, кто она такая; поэтому не назвал ей и себя. Он придал себе самый простой вид; против своего обыкновения — слезал с экипажа и готов был идти пешком, так что взиравший на него Корэмицу подумал: „Ну и влюблен же мой господин!“

Лошадь свою он предоставил Гэндзи, а сам поспешал с ним рядом.

„Обычно любовник должен быть ведь недоволен, если его дама увидит его в неприглядном обличье,“ — становился он втупик от действий Гэндзи. Тот же, не желая, чтоб его узнавали, брал с собой теперь только слугу и отрока, лица которого никто не знал ⁴⁾. Он не заходил даже к Корэмицу по соседству: „Вдруг догадаются!“ — думал он.

Женщина со своей стороны дивилась и не могла взять все это в толк. Она то посылала проследить за посланцем от Гэндзи, то направляла подсмотреть, куда уходит Гэндзи от нее на заре, разузнать, где он живет. Но Гэндзи удавалось так или иначе скрывать свои следы.

Гэндзи нарочно приказал изготовить себе простой охотничий костюм для того, чтоб надевать его, когда шел к ней; изменял весь свой облик, лицо же скрывал под маской; приходил и уходил — ночью, когда все спали, так что было похоже, будто он — призрак,

¹⁾ Т. к. иногда при обращении к Югао называет ее „госпожею“.

²⁾ Имя одного из приятелей Гэндзи — участника „беседы в дождливую ночь“.

³⁾ Одна из манер изложения автора, из Мурасаки: делать оговорки в пропуске части повествования.

⁴⁾ В эту эпоху знатный хэйанец всегда выезжал в сопровождении большой свиты и, даже отправляясь на тайное свидание, брал с собой слуг.

о котором поветствуют древние времена. Женщине становилось прямо жутко, но так как было ясно, хотя бы на ощупь, что это человек, то она только гадала: „Кто бы это мог быть?“ Был заподозрен Корэмицу: „Это все проделки этого любителя любовных похождения!“—но тот делал самое невинное лицо, не поддавался и шутил, как всегда, так что она никак не могла понять: „Что здесь такое?“ И Югао дивилась, думая: „Как это все необыкновенно!“

Со своей стороны тревожился и Гэндзи:

„Что, если Югао в один прекрасный день возьмет да и уедет оттуда? Где мне тогда ее искать? Там все имеет вид ее временного жилья, — но сказать заранее, когда ей захочется куда-нибудь оттуда переехать — никак нельзя“, — раздумывал он.

Относись он к ней легко, можно было бы так и оставить все это, — как минутную прихоть сердца, но Гэндзи не мог так оставить ее. В те ночи, что он проводил, случалось, — из боязни людских взоров, — не у нее, он не мог совладать со своей тревогой и прямо мучился. В виду этого он даже подумывал о том, чтобы поместить ее, — не говоря никому, кто она, — в своем доме на втором проспекте, а если при этом возникли бы неприятности и пошли разговоры, — пусть! — значит, так и быть должно. „Мне никогда еще не приходилось так привязываться к женщине! Здесь какой-то рок!“ — раздумывал он.

— Послушай! — заговорил он раз с Югао. — Поселимся где-нибудь на свободе — в каком-нибудь удобном месте! — Однако та по-детски наивно возразила: — Вы говорите такие странные речи. Я боюсь уже того, что вы и сейчас ведете себя так необыкновенно!

— Это верно! — усмехнулся Гэндзи. Да! Кто-нибудь из нас — оборотень! Выходит, кто-то один из нас обманывает другого...“ — говорил он ласково и нежно, и Югао, поддавшись ему, готова была поступить так, как он хотел.

Стояла восьмая луна, — было пятнадцатое число. Лучи полного месяца проникали во многочисленные щели деревянной постройки. Гэндзи не был привычен к такому жилью, и ему представлялось все это таким странным. Скоро должен был наступить и рассвет. В соседнем домике слышался голос какого-то простолюдина, который, проснувшись, говорил жене:

— Какой холод! — Да... Плохи дела в этом году! Придется, видно, отправиться в деревню и промышлять чем-нибудь там. Слышишь, жена?

Эти жалкие люди вставали каждый для своих дневных занятий; суетились, шумели, — а такая среда так не шла к Гэндзи, что, будь на месте Югао другая женщина, благородная и гордая, — ей оставалось бы только постараться провалиться куда-нибудь от стыда за окружающую ее обстановку. Но Югао была простодушна и не чувствовала никакого смущения или огорчения.

Под самым их изголовьем раздались звуки от рисовых ступ, грохотавших громче самого грома. „Что это такое стучит?“ — подумал Гэндзи. Он не знал, что такой стук издает рисовая ступа, — и только внимал этим необычайным для него звукам. Многое было здесь для него совершенно невыносимо!

То там то здесь начали раздаваться удары по плоским камням, на которых отбивали домотканную материю. В небе кричали стаи диких гусей. Как много здесь было всяких неудобств для него!

Покой их был расположен у самой наружной веранды. Открыв туда дверь, Гэндзи стал вместе с Югао оглядывать окружающее. В маленьком садике пред домом рос китайский бамбук, роса на кустиках блестела здесь так же, как и в том месте ¹⁾... Насекомые заливались на разные голоса.

Гэндзи до сих пор даже чириканье сверчка в стене приходилось слышать только издали, а теперь все это раздавалось прямо в ушах. Однако это все показалось ему только в диковинку: видно, чувство его к Югао было так сильно, что все грехи отпустились!

Не блиставшая внешней красотой фигура Югао — с ее белым платком, с накинутой поверх него одеждой из светло-лиловой материи — казалась ему прелестной и хрупкой. В ней не было ничего, что можно было бы отметить, как что-то особенное, но — миниатюрная и нежная, с ее милой манерой говорить — она вызывала в нем одно чувство: „Бедняжка! Какая она милая!“

„Если бы в ней было больше жизни!“ — подумал Гэндзи. Ему захотелось видеть ее более открытой и свободно себя чувствующей.

— Слушай! Проведем остаток ночи где-нибудь в другом месте, здесь поблизости. А то тут только один шум. Так надоел он! — обратился он к ней.

— Что это вы? Так внезапно... — возразила она с рассудительным видом.

Гэндзи стал убеждать ее, что союз их простирается не только на это земное существование: ее откровенность начала казаться ему чем-то совершенно отличным от того, что бывает у других;

¹⁾ Т. е. как и во дворце.

она стала представляться ему совсем непривыкшей к обычным мирским делам. Поэтому, не страшась уже более того, что могут сказать о нем в свете, он вызвал Укон, приказал позвать к себе выездного слугу и подать себе экипаж. Женщины, жившие с Югао, немного растерялись, но, видя, как сильно чувство Гэндзи к ней, — положились на Гэндзи и успокоились за свою госпожу.

Близилось уже утро. Пения петухов слышно не было, а только звучали где-то вблизи старческие голоса, как будто кто-то совершал поклонение: то были, верно, пилигримы. Кто стоял на ногах, кто на коленях, — они важно были заняты своим делом.

Гэндзи сочувственно стал прислушиваться к ним:

„Чего хотят они в этом непорочном, как роса поутру, мире? О чем они молятся так?“ — подумал он. Оказалось, что они зывали к Майтрейя ¹⁾.

— Прислушайся к ним! — обратился он к Югао. — Они помышляют не только об одном этом мире! — тоном сочувствия произнес он:

Идя по пути,
Что свершают они,
Пилигримы святы, —
Не сомневайся: союз
Будет прочным и впредь!..

Древний пример клятвы во дворце „Долгой жизни“ был для Гэндзи неприемлем ²⁾; поэтому он вместо того, чтобы говорить о „двух крылах“, упомянул о „грядущем будды Майтрейя“. Говорить о жизни в мире ином было бы тут неуместно:

По горю тому,
Что терплю в настоящем
За прежнюю жизнь, —
В грядущем мне также
Надеяться не на что, знаю!

Судя по этим стихам, можно было думать, что все-таки душа у Югао была не спокойна!

¹⁾ Майтрейя (яп. Мироку) — будда грядущего, — будущего человеческой земной жизни.

²⁾ Дворец „Долгой жизни“ — название одного из дворцов китайского императора Сюань-цзуна (династии Тан), любовь которого к красавице-наложнице Ян Гуй-фэй увековечена в знаменитой поэме „Бесконечной скорби“, поэта Бо Цзюй-и. Сюань-цзун уговорился со своей подругой после смерти на земле стать одной „птицей с двумя крылами“, „веткой, с двумя отростками“. Гэндзи не хочет заключать такого уговора, — во-первых потому, что у Сюань-цзуна с Ян Гуй-фэй вышло не так, во-вторых же оттого, что он предполагает возлагать свои любовные надежды прежде всего на грядущую *земную* жизнь.

При свете заходящей предутренней луны женщина призадумалась: так неожиданно все это произошло и так волновало своей неизвестностью. Призадумалась она и заколебалась. Пока Гэндзи убеждал её, луна вдруг скрылась за облаками, и стал очень красив этот вид светлеющего неба. Гэндзи торопил ее, — пока еще не стало совсем неудобно: у всех на глазах, — и легко посадил ее в экипаж. Вместе с Югао села и Укон.

Когда они добрались до одного уединенного домика, здесь же поблизости, Гэндзи, — пока вызывали смотрителя, — оглядывал это жилище: в полуразрушенных воротах разрослась густая трава, под деревьями стояла совершенная темень. Туман был так густ, и роса так обильна, что когда Гэндзи стал поднимать занавески у экипажа, то сильно намочил свои рукава.

„Никогда я не бывал еще в таких делах! Да... нелегко все это“... — подумал он:

В древности, когда-нибудь,
Случалось, чтоб блуждали
Люди так, как я?
Ответь же, о неведомый,
Мой предрассветный путь!

— А тебе все это — не внове, вероятно? — обратился он к Югао.

Та смущенно-стыдливо ему возразила:

Гребни гор
Не знают...
А луны заходящей
На небе высоком
Уж нет и следа!

— Мне отчего-то очень грустно! — сказала она, и как будто чего-то боялась, чего-то страшилась.

Гэндзи со смехом подумал: „Это оттого, что она привыкла к людным местам!“

Приказав ввести колесницу, он стоял и ждал, — прислонив экипаж к балюстраде, — пока приготавливали им покои в западной части дома. Укон с восхищением смотрела на него, и ей припомнилось прошлое ¹⁾). Видя как хлопочет смотритель, старательно устраивая все, она догадалась, кто таков возлюбленный ее госпожи.

Хоть и делали все на скорую руку, но все же убрали все очень красиво.

Слуг у Гэндзи — в надлежащем количестве — не было, и смотритель подумал: „Как это неудобно!“

¹⁾ Т. е. история связи Югао с Тюдзё.

Этот смотритель был известен Гэндзи уже давно, так как ему приходилось бывать в доме его тестя-министра. Поэтому, приблизившись к Гэндзи, он предложил:

— Не позвать ли кого-нибудь для услуг? — Но Гэндзи сразу же заставил его сомкнуть уста:

— Я нарочно искал такой дом, где б никого не было. Смотри, не проболтайся никому!

Смотритель подал изготовленную наспех закуску, — но прислуживать за трапезой было некому ¹⁾.

И отошел Гэндзи ко сну — в непривычной для него обстановке.

Вышло что завязал он союз совсем так, как говорится в стихотворении о „Бесконечной реке“...

Солнце стояло уже высоко на небе, когда Гэндзи поднялся с ложа. Собственными руками он поднял шторы. Вокруг было все страшно запущено и дико, никого из людей не было видно. Взор свободно охватывал далекое пространство, и купы деревьев там имели вид весьма древний и мрачный. Ничего не было заметно особенного и среди растительности тут вблизи. Все — „сплошное осеннее поле“, как говорится в стихотворении. Пруд тоже был занесен весь листвою и имел очень унылый вид.

В отдельной пристройке были устроены жилые помещения, и там, повидимому, кто-то жил. Однако их покой был далеко отсюда.

— Какое унылое место! — произнес Гэндзи. — Надеюсь, что хоть демоны-то оставят нас здесь в покое...

Лицо Гэндзи все еще было сокрыто под маской, но теперь он подумал: „И женщине это должно быть неприятно, и — на самом деле: не стоит ставить здесь такую преграду между ею и собой“. Поэтому он обратился к ней и сказал, развязывая тесемки маски:

С вечерней росой
Связки свои распускают
Лепесточки цветка!
Ради тебя, о союз, что завязан
Случайно на длинном пути...

— То — блески росы... ²⁾ Ну, что ты скажешь на это?

¹⁾ Как то всегда полагалось в обиходе хэйанского аристократа.

²⁾ Также слова из стихотворения:

В догадках сердца
Смотрю: не то ли?
Росинок светлых
Блеск прибавлен
К красе цветка?..

Югао в ответ на это, бросив взгляд на него, тихо проговорила:

Блистаньем, как будто,
Тебе показалась
На „ликах вечерних“ роса...
То — глаз твой ошибся
В тенях предвечерних!

„Какой прелестный ответ!“ — подумал Гэндзи. Весь вид его, чувствующего себя так свободно, открытого для нее сполна, поистине не имел ничего равного себе на свете и так не шел к этому дикому месту.

— Я все время пенял на тебя за то, что ты так таишься от меня, — и решил даже, что не откроюсь тебе! Но, вот видишь?... Теперь и ты открой мне, кто — ты? А то — так неприятна эта таинственность, — проговорил он, обратившись к Югао.

— Дитя рыбака — я... ¹⁾ — ответила та, но все-таки — при всей сдержанности и холодности — стала несколько ласковее.

— Что ж... хорошо! Видно „из-за себя“ все, как говорится в стихотворении ²⁾, — молвил Гэндзи.

И так — то шля друг другу укоры, то в мирной беседе — провели они день.

Пришел Корэмицу и принес им фрукты. Укон наговорила ему всего, и так как все окружающее показалось ему скучным, то к самому Гэндзи он не прошел. — „Забавно смотреть, как мой господин так переходит от одной к другой!.. Впрочем, тут можно было догадаться, что женщина окажется такою. Я и сам мог бы

¹⁾ Образ из известного стихотворения:

Там, где пенистые волны
О побережье бьются,
Прошла вся жизнь...
Я — рыбака дитя, и где же
Приют иметь мне прочный?

Отсюда „дитя рыбака“ употребляется как аллегория никому неизвестного, никому ненужного человека.

²⁾ „Из-за себя“ — замысловатое выражение, означающее буквально то, как это здесь передано по-русски, но в то же время являющееся названием рода червячка, водящегося на водорослях. В данном случае Гэндзи вспоминает одно стихотворение, — смыслом которого и пользуется для ответа Югао, — так же основанного на поэзии, как и ее собственные слова:

На водорослях тех,
Что рыбак собирает,
Червь „из-за себя“...
Из-за себя терплю я
И не ропщу на свет!

с нею прекрасно познакомиться, — но вот уступил ему... Я — человек великодушный!" — хвастливо раздумывал Корэмицу.

Вокруг царила полнейшая тишина. Женщина задумчиво смотрела на вечернее небо, и так как мрак комнаты внушал ей страх, то она перенесла циновку к самому наружному краю веранды и здесь прилегла.

Так смотрели они друг на друга, при лучах вечерней зари, — и даже Югао, чувствовавшая все время неожиданность и странность своего положения, все же забыла о всех своих горестях и стала немного откровеннее и свободнее.

Вид ее — такой — был еще прелестнее, чем обыкновенно. Она тесно прильнула к Гэндзи и так оставалась все время, пугливо вздрагивая. И казалась она ему ребенком, и так жаль было ее ему.

Гэндзи опустил шторы и приказал подать светильник.

— Я так открылся тебе во всем, а ты все еще что-то таишь в своем сердце. Как это горько! — упрекал он ее.

„Как меня теперь, наверное, разыскивают во дворце! Где меня только не ищут теперь!“ — раздумывал он, и — странности сердца! — пришло на ум ему, с чувством некоторого раскаяния, и то, как волнуются теперь на шестом проспекте ¹⁾, как шлют там ему укоризны. — „Разумеется, это — неприятно. Но — по заслугам!“

Однако всем сердцем своим обращенная к нему, Югао внушала ему только любовь и жалость, так что он мысленно сравнивал ее с тою: „Слишком пылка та нравом!.. Хорошо, если бы она бросила кое-какие повадки свои, что так удручают того, кто ее любит“.

Прошли первые часы ночи. Гэндзи слегка задремал. Как вдруг он видит, будто у изголовья стоит фигура какой-то странной женщины и говорит ему:

— Ты не хочешь идти к той, кто тебя любит, а приводишь с собой какую-то женщину, ласкаешь ее... Это ужасно и невыносимо! — С этими словами она как будто порывалась схватить ту, что лежала с ним рядом. Гэндзи подумал, что на них кто-то напал, — и в испуге проснулся: огонь в светильнике уже погас ²⁾.

„Что бы это могло быть?“ — подумал он и, обнажив свой меч и положив его рядом с собою, окликнул Укон. Укон, тоже вся перепуганная, подошла.

¹⁾ Т. е. та дама, с которой Гэндзи уже давно поддерживал тайную связь и по дороге к которой он, остановившись у кормилицы, впервые столкнулся с Югао.

²⁾ Комментаторы пытаются доказать, что здесь на спящую Югао напал дух „дамы с шестого проспекта“, которая сильно ревновала Гэндзи и искала случая узнать, кто у нее соперница, чтобы как-нибудь отомстить за отвлечение Гэндзи от нее. Ее мстительная ревность превратилась будто бы в злобного демона.

— Пойди разбуди людей, что спят там, в галерее, и скажи, чтоб принесли светильник! — сказал он ей.

— Как же я пойду? — воскликнула Укон. — Ведь там темно!

— Ты — как ребенок! — улыбнулся Гэндзи и захолопал в ладоши.

Раздалось в ответ только эхо, — и было это очень жутко. Люди, видимо, ничего не слышали, и никто не явился на зов.

Югао вся дрожала мелкою дрожью и была сама не своя. Обливаясь холодным потом, она почти лишилась сознания.

— Госпожа от природы страшная трусиха! Что теперь делать! — сказала Укон. Югао на самом деле была такая робкая и тихая, что даже днем только и делала, что задумчиво глядела на небо.

„Бедненькая!“ — подумал Гэндзи.

— Придется пойти самому и поднять людей. Хлопать в ладоши, — но это эхо в ответ действует так неприятно. Побудь здесь немного! — сказал он Укон и, усадив ее подле Югао, направился к двери, ведущей в западную половину, открыл ее, — оказалось что и на галерее свет тоже погас.

Дул легкий ветер. Людей здесь было очень немного. Здесь находились: сын смотрителя дома — молодой человек, находившийся в личном услужении Гэндзи, его дворцовый отрок и обычный выездной слуга. Когда Гэндзи их окликнул, они отозвались и поднялись.

— Принесите свет! Да пусть мой выездной натягивает со звоном тетиву своего лука. Вы же все подавайте голос! ¹⁾ Можно ли спать так беззаботно в таком уединенном месте? — Корэмцу не приходил? — спросил Гэндзи.

— Приходил, но так как приказаний от господина не было, то он и ушел, обещав на рассвете явиться, — отвечал сын смотрителя.

Говоривший это сам был из дворцового караула. Грозно звеня тетивой и с кликами, „Слу-у-шай!“ — он направился в помещение смотрителя за огнем ²⁾.

Гэндзи вспомнился дворец: „Вероятно там идет сейчас проверка ночных караулов, и как раз в этот момент перекликается ночная стража“... сообразил он.

Стояла еще глубокая ночь. Вернувшись в свои покои, он дотронулся до Югао: она лежала в прежнем положении. Рядом с нею, уткнувшись лицом вниз, распростерлась Укон. Гэндзи потянул ее и окликнул: — Что с тобой? Сумасшедшая трусиха!

¹⁾ Эти распоряжения даются Гэндзи с обычной для тех времен целью: звоном орудия и громкими кликами отпугнуть демонов.

²⁾ Сын смотрителя издает тот самый возглас, который звучит во дворце в момент ночной перекички караулов.

Боишься, видно, как бы не накинудь на тебя в этом пустынном месте какие-нибудь привидения? Я — тут, поэтому никто на тебя не нападет! — сказал он.

— Какой ужас! Я уткнулась потому, что сердце так колотилось, было так страшно! Но с госпожей, кажется, совсем плохо... — проговорила Укон.

— Что? Как? — воскликнул Гэндзи.

Он дотронулся до Югао, но она — уже не дышала! Стал трясти ее, но она — лишь подавалась всем его движениям и не выказывала никаких признаков жизни. И Гэндзи в отчаянии понял, что призрак отнял у нее — робкой и слабой — жизнь.

Показался молодой слуга со свечником в руках. Так как и Укон не была в силах даже пошевелиться, то Гэндзи, заслонив их ширмами, что стояли тут поблизости, сказал слуге:

— Давай сюда! — Однако, в виду того, что это было не в обычае, слуга постеснялся и не посмел подойти к самому Гэндзи, не смея переступить даже порога.

— Давай же сюда! Всею своею силою, — подзвал его тот.

Смотрит Гэндзи и видит, что у изголовья Югао опять тень — той самой женщины, что представлялась ему во сне. Появилась — и сразу же исчезла.

„Я слышал о таких вещах в старых сказаниях, — и это так необычно и страшно! Но что же случилось с нею?“ — подумал он и в душевном смятении, не помня самого себя, лег рядом с Югао, звал ее, тряс, — но она становилась все холоднее, и дыхания у нее уж не было вовсе.

Сделать что-либо было уже нельзя. Не было никого, кому можно было бы довериться и с кем посоветоваться. В таких случаях можно было бы найти помощь у бонзы ¹⁾, но не было и такого. Гэндзи старался крепиться, но — был еще сам молод, поэтому при виде Югао, которую постигло такое несчастье, он не знал, за что взяться. Крепко обнимая ее, он воскликнул: — Возлюбленная моя! Вернись к жизни! Не давай мне столкнуться с таким горем... — Но она оставалась бесчувственной, и жизнь от нее уже отошла.

Наконец Укон, — несколько прошло то состояние, при котором она могла лишь восклицать: „Ах, какой ужас!“ — разразилась отчаянными рыданиями.

Гэндзи вспомнил один подобный случай, когда в Южной Палате дворца злой демон однажды напал на министра. Стараясь овладеть собою, он прикрикнул на Укон: — Она, может быть, еще и не

¹⁾ Гэндзи, полагая, что на Югао напал злой демон, думает о бонзе, который молитвами может его из нее изгнать.

совсем умерла... А ты так кричишь, да еще ночью. — Однако и сам он метался из стороны в сторону и не находил себе места.

Обратившись к слуге, он сказал:

— На госпожу напало здесь какое-то страшное существо, и она теперь сильно страдает. Ступай сейчас же туда, где остановился Корэмицу, и скажи ему, чтоб он немедленно шел сюда. Если там окажется и тот самый монах, скажи потихоньку и ему, чтоб приходил сюда. Да не надейся шума, чтоб не услышала моя кормилица монахиня. Она относится неодобрительно к таким моим похождениям, — так говорил он, а у самого стеснило всю грудь. С отчаянием он подумал: „Ведь это он убил ее!“ Ко всему этому и страх одолевал его беспримерно.

Было, вероятно, уже за полночь. Ветер становился все более пронзительным, и шум от сосен тяжело отдавался в ушах. Какие-то неведомые ему птицы кричали хриплым голосом. „Верно совы“... — подумал Гэндзи. Что бы ни хотел он предпринять — вокруг него не было слышно ни одного человеческого голоса. „И зачем я забрался сюда в это жалкое жилище!“ — каялся он, но было уже поздно.

Укон, сама не своя, прижималась к Гэндзи и дрожала смертельною дрожью. „Еще и с этой что-нибудь случится!“ — думал Гэндзи и крепко держал ее в своих руках. „Выходит, что я один сохраняю присутствие духа... Неужели нельзя ничего придумать?“

Свет в светильнике едва-едва мерцал; на ширмах, стоящих в углу комнаты, то там, то здесь мелькали тени, слышался звук шагов, как будто кто-то ходит; сзади, казалось, кто-то подходит... „Скорей приходил бы Корэмицу!“ — раздумывал Гэндзи.

Было точно неизвестно, где должен был заночевать Корэмицу, и пока его разыскивали, наступал уже рассвет, — время тянулось; Гэндзи казалось: „Целая вечность“.

Наконец, вдали послышалось пение петуха. „И за какие грехи терплю я теперь вот все это? Не наказание ли это за то, что я обратил свои взоры на ту, на которую не смел? ¹⁾ И теперь это — урок мне на всю жизнь. Как ни скрывать, все равно от света ничего не скроется. Узнают и при дворе; об этом станут говорить решительно все; даже злые мальчишки — и те станут насмехаться. И приобрету я, в конце концов, самую глупую репутацию“... — носилось в голове у Гэндзи.

Появился, наконец, Корэмицу. Обычно он и поздней ночью, и ранним утром — всегда служил желаниям своего господина, —

¹⁾ Здесь имеется в виду одно из тайных увлечений Гэндзи — одной дамой, бывшей наложницей самого императора.

и как раз именно в сегодняшнюю ночь его при нем не оказалось; да еще и на зов он явился так поздно. „Негодный!“ — думал Гэндзи и, призвав его к себе, не был в силах приступить к рассказу, — не мог ничего сразу выговорить.

Укон, слыша, что пришел Корэмицу, припомнила, как все это шло с самого начала, — и зарыдала. Не мог больше выдерживать и сам Гэндзи. До этого момента он сохранял присутствие духа и поддерживал Укон, теперь же — при Корэмицу — он не мог более совладать с собой: почувствовал, как велико горе происшедшего, и некоторое время только рыдал, не будучи в силах остановить свои слезы.

Так, помедлив немного, он обратился к Корэмицу:

— Тут произошло странное событие. Сказать ужасное — мало... Случилась неожиданная беда с Югао... Нужно хотя бы начать чтение сутр, нужно приняться за дело! Нужно начать моления... Я же говорил, чтоб пришел и монах... — сказал он.

— Тот ушел вчера в монастырь. Да, действительно неожиданный случай! Она и раньше чувствовала себя нездоровой?

— Нет, совсем нет! — отвечал Гэндзи.

Вид его — всего в слезах — был так трогательно-прелестен, что взиравший на него Корэмицу расплакался сам.

Будь здесь люди пожилые, прошедшие чрез жизненный опыт, — они несомненно нашлись бы при подобных обстоятельствах, но все трое, здесь находившиеся — Гэндзи, Корэмицу, Укон — были еще молодежь — и растерялись.

— Обращаться к смотрителю дома — не стоит. Сам он-то человек верный, но тут замешаются всякие родные, и они, конечно, проболтаются. Знаете что? Уезжайте отсюда! — сказал Корэмицу.

— Да где же найдешь место более уединенное, чем это? — возразил Гэндзи.

— Это верно! В доме госпожи Югао — много женщин. Они примутся горевать, плакать, подымут переполох... Вокруг — соседи, найдет масса людей, что обвинят нас, — и дело получит огласку. Вот если б в монастырь в горах! Там вообще устраивают различные похороны, и дело могло бы пройти незамеченным, — говорил Корэмицу, и после некоторого раздумья добавил:

— Перевезем госпожу в один монастырь, где живет одна моя знакомая женщина, постригшаяся в монахини. Она приходится кормилицей моему отцу, и теперь в очень преклонных летах. Народу там, положим, довольно много, но все-таки место тихое, — предложил Корэмицу.

Было уже начало утренней зари, когда Корэмицу вывел экипаж. Гэндзи был не в силах поднять Югао, поэтому Корэмицу, обернув

ее циновкой, положил в экипаж сам. Она была прелестна, — миниатюрная и не вызывающая такого неприятного чувства, как обычно мертвые. Покрыть ее всю не удалось, поэтому на край экипажа вылезли ее волосы. При виде их, у Гэндзи помутилось в глазах, его пронизала жалость и скорбь; и захотелось ему быть с нею до самого конца. Но Корэмицу заявил: — Садитесь скорее на коня и поезжайте домой! Скоро уже утро — и начнет толпиться народ. — С этими словами он посадил Укон в экипаж к Югао. В виду того же, что лошадь свою он предоставил Гэндзи, то сам отправился пешком, подоткнув полы своей длинной одежды.

Путешествие в таком виде было для него совершенно неожиданным и непривычным, но он о себе и не думал, видя, как страдает Гэндзи, и жалел его.

Гэндзи как во сне прибыл к себе домой.

Домашние встретили его возгласами: — Где это господин был? У господина очень нехороший вид! — Но Гэндзи прошел прямо к себе в опочивальню и, сжимая грудь, погрузился в печальные думы: „Почему я не отправился в экипаже вместе с нею? А вдруг она очнется... Какое будет у нее чувство? Ведь она с горечью решит: — Гэндзи бросил Югао и ушел от нее!“

В душевном смятении он думал то одно, то другое... и чувствовал, что всю грудь его заглохнуло. Разболелась голова, в теле начался жар; мучился он чрезвычайно. „Как бы и мне не окончить так же печально свои дни!“ — думалось ему.

Солнце стояло уже высоко, а Гэндзи все еще не вставал с постели. Все дивились и уговаривали его хоть съесть что-нибудь, но Гэндзи только терзался и чувствовал себя очень плохо. Явился посланный из дворца: оказывается государь был очень обеспокоен тем, что Гэндзи вчера весь день не показывался при дворе. Явилось к Гэндзи и много молодых придворных — сыновей министра, но он приказал впустить к себе одного только Тюдэё — и то на минуту. Разговаривал с ним он чрез занавеску ¹⁾.

— У меня есть кормилица. Еще с пятой луны этого года она сильно занемогла. Постриглась в монахини, приняла обеты, и может быть, от этого некоторое время чувствовала себя лучше, но вот, с недавнего времени болезнь снова вернулась к ней; и она очень ослабела. Все говорила, что ей очень хочется еще хоть разок повидать меня, и так как я с детских лет привык к ней и понимал, что она может счесть меня бессердечным, то и отправился к ней.

¹⁾ Соприкосновение со смертью, с мертвым, по господствовавшим тогда синтоистским воззрениям, почиталось за „скверну“, и с таким „осквернившимся“ в течение определенного срока было запрещено иметь дело.

В доме же у нее был один слуга, который болел, и как раз в этот день он внезапно скончался. Я узнал потом, что — стеснясь меня — его унесли только по прошествии целого дня, поэтому и считал, что неудобно теперь, когда идут священные службы ¹⁾, появляться во дворце. Сегодня же с утра — я кашляю, болит голова и вообще чувствую себя скверно. Ты уже прости, пожалуйста! — сказал Гэндзи.

— Хорошо! Я так и доложу. А то еще вчера вечером во время увеселений государь послал меня разыскать тебя, — и был недоволен, — ответил Тюдзё и, остановившись на пороге, заметил: — Чем это ты мог так оскверниться? Все, что ты рассказал, как-то не похоже на правду...

Гэндзи весь сжался: — Не рассказывай там подробностей! Доложи только, что — соприкоснулся, мол, он неожиданно со скверною. Чтобы не придавали этому всему особого значения. — Говорил он по виду твердым голосом, но в душе чувствовал невыразимую скорбь. Сердце его ныло, и он не захотел больше видиться ни с кем. Призвав только Куродо-но-Бэн ²⁾, он попросил его доложить обо всем государю, да послал известить тестя-министра, что случилось с ним осквернение и поэтому он не может прийти.

Когда стемнело, явился Корэмицу. Так как Гэндзи объявил, что на нем — скверна, то все приходившие к нему, постояв минуту, сейчас же уходили, и около него поэтому никого почти не было.

Призвав его к себе, Гэндзи спросил: — Ну, что? Значит, она скончалась уже наверное? — И закрыв лицо рукавом одежды, заплакал. Заплакал и Корэмицу.

— Да! Жизни ее пришел конец! Оставлять ее такое долгое время было неудобно, и я сговорился с одним знакомым мне почтенным старым бонзою на завтра: свершить, если день будет хорош, то, что нужно ³⁾ — сказал он.

— А что с той женщиной, что была при ней? — спросил Гэндзи.

— Похоже на то, что и она не выживет! Сегодня утром она пыталась было броситься вниз с горы, в полном душевном расстройстве крича: — Я — за госпожею! — Она, было, объявила, что пойдет расскажет про все у них в доме, но я ее уговорил: потерпи немного! Сначала обдумаем все хорошенько... — рассказывал Корэмицу, и Гэндзи нашел, что он поступил правильно.

— А я тоже страдаю ужасно. Сам думаю: уже не случится ли что-нибудь и со мною...

¹⁾ В девятой луне свершались некоторые особые религиозные церемонии во дворце, и в этот период никто из „осквернившихся“ не имел доступа во дворец.

²⁾ Брат Тюдзё — один из приятелей Гэндзи.

³⁾ Т. е. похороны.

— Ну, что вы там еще придумали!.. Ведь то, что произошло — вещь неизбежная. Со всеми так будет. Если же вы хотите, чтоб никто об этом не проведал, Корэмицу возьмет все на себя и сделает все, что следует, — говорил Корэмицу.

— Ты — прав! Я и сам так думаю; но мне тяжело, что из прихоти своего сердца я убил ее понапрасну и теперь понесу на себе ее ненависть и скорбь. Смотри, ты не рассказывай ничего даже сестре своей. Тем более же матери-монахини. Она всегда предостерегала меня, и мне теперь так стыдно перед нею... — так замкнул уста Корэмицу Гэндзи.

Прислушивавшиеся к этому разговору женщины в доме Гэндзи дивились между собой: — Что за диковина! Говорит, что осквернился, не идет во дворец, шепчется там и вздыхает...

Гэндзи снова заговорил о похоронах. — Смотри, сделай же все как следует!

— Уж конечно! Тут ничего трудного и нет, — ответил Корэмицу и поднялся, чтоб уходить. Тут Гэндзи в сильнейшей тоске заявил:

— Я знаю, что это — неудобно, но я не в силах не повидать еще раз останки Югао. Я поеду с тобою, верхом на коне!

Корэмицу считал это лишним, но все же сказал:

— Если вы уже так хотите, то делать нечего. Только едем скорее, чтобы вы успели вернуться домой до ночи.

Гэндзи переоделся в ту самую охотничью одежду, которую он изготовил себе для последнего времени, и вышел из дому.

На сердце у него было мрачно, и страдал он невыразимо. „Что, если и я на этом необычном пути повстречаюсь с такой же напастью?“ — волновался он и никак не мог совладать со своею печалью.

„Увижу теперь все, что осталось от Югао, и когда, в каком мире мне придется повстречаться опять?“ — думал он.

Отправился он, как обычно, с одним Корэмицу и слугою.

Путь показался ему очень длинным. На небе светила полная луна. Впереди — у реки Камогава — мерцали огоньки. При виде кладбища, — как ни было оно неприятно в обычное время, — теперь он не почувствовал ничего.

В сильнейшем волнении прибыл он к месту. Место было мрачное; рядом со столиком стояла часовенка: здесь жила отдавшаяся исполнению буддийских обетов монахиня; и все вокруг имело весьма печальный вид. Сквозь щели домика просвечивал огонек светильников. Изнутри доносился голос плачущей женщины, снаружи же беседовали друг с другом двое-трое бонз. Они читали молитвы, — при чем нарочно не возвышали голос. В самом мона-

стыре вечерние службы уже закончились, и вокруг была тишина. Только в стороне Киёмидзу ¹⁾ виднелось много огоньков, и там было много народу.

Когда бонза, сын этой монахини, начал мерным голосом возглашать священную сутру, у Гэндзи из глаз хлынули безудержные слезы.

Он вошел в домик. Спиною к свету, за ширмой лежала Укон. Видно было, что она находилась в состоянии полного отчаяния. Взглянув на Югао, Гэндзи не ощутил никакого неприятного чувства: она была необычайно прелестна, и вид ее ничуть не изменился против обычного. Схватив ее за руку, он воскликнул:

— Дай мне еще хоть раз услышать твой голос! И что это за судьба наша такая? Так недолго пришлось мне любить тебя всем сердцем, и вот теперь ты бросила меня и погрузила в пучину смятенья. Это ужасно! — И не щадя голоса, он рыдал без конца. Бонзы, не зная, кто такой этот молодой господин, дивились всему и сами проливали слезы.

Обратившись к Укон, Гэндзи проговорил: — Поедем со мною ко мне в дом!

Но та отвечала: — Как я могу расстаться с той, к кому так привыкла, с кем не разлучалась в продолжение долгих лет, с самого детского возраста? К тому же и люди станут спрашивать меня: „Что стало с госпожєю?“ И само по себе все это печально, а когда станут еще наговаривать на меня, что я виновата, будет совсем ужасно! — говорила она и в душевном смятении рыдала.

— Вслед за дымом ее костра — последую и я! — воскликнула она.

— Конечно, все это так! Но ведь таков уже весь этот мир. Разлука, разумеется, не может не вызывать чувства скорби, но ведь, что ни делай, всем нам предстоит такая участь... Успокойся и положишь отныне на мою помощь! — убеждал ее Гэндзи, а в то же время сам был совершенно безутешен.

— Я говорю так, а сам чувствую, что не выживу долее...

Тут вмешался Корэмицу: — Ночь уже близится к рассвету. Пора ехать обратно, — сказал он, и Гэндзи, оглядываясь все время назад, со стесненным сердцем вышел из домика.

Дорога была покрыта росой, стоял густой предрассветный туман, и у Гэндзи было чувство, будто он блуждает неизвестно где. Всю дорогу в мыслях у него была Югао, лежавшая совсем как живая, прикрытая его пунцовой одеждой, той самой, что прикрывались

¹⁾ Название храма.

они вдвоем на ложе. „Отчего так случилось?“ — раздумывал он всю дорогу.

Видя, что Гэндзи не в состоянии твердо держаться на коне, Корэмицу ехал рядом и поддерживал его. Однако у береговых валов реки Камогава Гэндзи все же упал с коня и в бесконечном душевном волнении воскликнул:

— На такой дороге мудрено ли не потеряться совсем? У меня такое чувство, что вряд ли доберусь до дома...

Взволновался и Корэмицу: „Хоть и говорил он, что чувствует себя крепким, но все же не стоило брать его с собою в такую дорогу!“ — подумал он и, в волнении, то омывал руки в речной воде, то взывал к богине Каннон и не знал, что ему и предпринять.

Наконец, Гэндзи с трудом овладел собою и, молясь в душе будде, кое-как поддерживаемый Корэмицу, добрался до дому.

Домашние только вздыхали по поводу его таких загадочных хождений позднею ночью и говорили друг с другом.

— Как это нехорошо! Последнее время господин наш как-то неспокоен, более чем обыкновенно; зачастил ходить по тайным свиданиям. Вчера он чувствовал себя таким нездоровым... И зачем ему понадобилось где-то скитаться?

Гэндзи на этот раз слег уже непритворно и заболел не на шутку. Прошло два-три дня, и он совсем ослабел от болезни. Узнали про это во дворце и горевали там безгранично. Моления о его здравии возносились непрерывно. Жертвоприношения, молебны, чародейские очищения ¹⁾ — всего и не перечесть! Все переполошились: „Уж не будет ли и здесь, как всегда: люди беспримерно прекрасные — долго не живут на земле?“

Но, даже томясь и страдая, Гэндзи призвал к себе Укон и поместил в своем доме, в покое — неподалеку от его собственного. Корэмицу же, хоть и сам был в большом беспокойстве, но, овладев несколько собою, помогал ей устраиваться возле Гэндзи, так как она пребывала в состоянии полного отчаяния.

В виду того, что Гэндзи, едва только он чувствовал временное облегчение в своих страданиях, сейчас же призывал к себе Укон и держал ее возле себя, то скоро Укон ближе сошлась со всеми. Была она в темной одежде, и наружность ее была не из очень красивых, но все же она была молода и называть ее безобразной было нельзя.

— Видимо, и я не выживу на этом свете... Разделю ее судьбу, судившую ей такие недолгие дни. Ты утратила в ней свою долго-

¹⁾ Т. е. буддийские, синтоистские и магические обряды.

летнюю опору и, верно, очень скорбишь... Я и думал, что в утешение тебе буду — если выживу — обо всем заботиться для тебя, но скоро, наверно, и сам я присоединюсь к ней! Как все это грустно!.. — говорил ей Гэндзи наедине. Он был так слаб и так плакал, что Укон, забыв о своей собственной судьбе, с жалостью помышляла только о нем.

Все домашние Гэндзи носились по всему дому, волновались. Из дворца летели посланцы чаще, чем капли дождя. Гэндзи, слыша, как горюет сам государь, преисполнился признательности и старался крепиться.

И тесть его, министр, всячески заботился о нем; являлся к нему ежедневно, устраивал ему все, что нужно; и может быть от этих забот, — как ни был слаб, как ни мучился Гэндзи, болея двадцать дней, — но болезнь стала сдавать. В ту самую ночь закончился срок и его очищения от скверны, и Гэндзи переехал во дворец, побуждаемый к тому безутешным состоянием государя.

Тесть сам приехал за ним в своем экипаже и усиленно уговаривал его быть осторожным: „Смотри! Ведь болезнь!.. и то, и другое“...

В первый момент Гэндзи казалось, что он — будто бы и не он сам; будто он перешел в какой-то иной мир.

Двадцатого числа девятой луны болезнь его прошла совсем, и хоть похудел он очень сильно, но стал прекрасным больше прежнего; только остался задумчивым и постоянно со слезами на глазах. Одни его порицали, другие только говорили: „Тут какое-то навождение!“

Однажды, тихими сумерками, привел Гэндзи к себе Укон и стал с нею беседовать.

— Очень странно все это! Отчего твоя госпожа так и не открыла мне, кто она такая? Пусть и была бы она „дочерью рыбака, незнающей имени“... Нет, она вообще как-то таилась от меня, не обращая внимания, что я ее так любил. Это очень горько! — говорил Гэндзи.

— Отчего она так старательно скрывала? — возразила Укон. — Видите ли, некоторое время спустя она бы вам несомненно сказала свое имя, в начале же все случилось так странно и неожиданно, что она сама говорила мне, будто все это кажется ей каким-то сном. Вы ведь тоже скрывали свое имя... „Что ж, — дело его!“ — говорила госпожа и с горечью думала, что вы ее только обманываете... — говорила Укон.

— Ужасная упряmica! У меня никогда и в мыслях не было скрывать что-либо от нее. Просто я не привык еще к таким поступкам, что не разрешаются светом, и не знал, как устроить

лучше. Подумай: прежде всего я имел бы выговор от государя, — и вообще вокруг меня много разговоров. Пошучу с кем-нибудь, — и то сейчас же делают из этого целую историю. Положение мое очень затруднительное! Однако то обстоятельство, что с того самого случайного вечера ее образ сразу запал мне в сердце и вышло так, что мы с нею сблизились, — свидетельствует о том, что здесь — не что иное, как судьба! Раздумываешь теперь о случившемся и преисполняешься грустью. Вновь и вновь возвращаешься мыслью к прошлому, и так горько на душе!.. Укон, расскажи мне о ней подробнее! Чего теперь скрывать? К тому ж — вот на сорок девятый день, в день помина, когда я закажу написать иконы будд¹⁾, — надо же мне хоть в мыслях иметь: для кого это все... — просил Гэндзи.

— Скрывать теперь действительно нечего. Я думаю, что и она сама теперь, после кончины своей, жалеет, что все время таилась... — согласилась Укон и стала рассказывать:

— Родители ее умерли рано. Отец ее был Самми-но Тюдзё. Он очень любил дочь и всегда считал, что его положение не может обеспечить ей завидную участь. Вскоре после его кончины госпожа как-то случайно повстречалась с господином Тюдзё, тогда еще бывшим только в звании Сё-сё. Три года — при самом искреннем чувстве — длилась их связь, но вот прошлой осенью от его тестя, „правого министра“²⁾, последовали письма с угрозами, и она, всегда очень робкая и пугливая, сильно перепугалась и решила перебраться потихоньку в дом, где жила ее кормилица, в западной части города. Там было очень скверно и жить было трудно, и госпожа собиралась в деревню, но как раз в этом году дорога, по которой ей надлежало ехать, оказалась закрытой³⁾, и, чтоб не подвергаться беде, она и перешла вот в тот ужасный дом, где вы ее открыли, о чем она, между прочим, всегда сокрушалась. Она ведь была так непохожа на всех других: застенчивая, всегда со стыдом помышлявшая, что другие могут узнать об ее связи... А вам казалось, будто у нее нет сердца!.. — говорила Укон.

„Вот, оно что!“ — подумал Гэндзи, и становилась ему Югао все милее и милее.

— Тюдзё одно время горевал, что потерял из виду ребенка... Был у ней такой? — спросил Гэндзи.

— Был. Родился весною позапрошлого года. Это была девочка, такая прелестная, — ответила Укон.

¹⁾ В качестве жертвенного приношения за Югао.

²⁾ Правый и левый министры — чины той эпохи.

³⁾ По каким-нибудь сакральным соображениям.

— Где же она теперь? Не говори никому ничего и отдай ее мне! Я остался теперь ни с чем, и мне — тяжело. Девочка же будет служить мне памятью о Югао. Я буду так рад ей, — говорил Гэндзи.

— Можно было бы все рассказать и Тюдзё, но этим навлечешь только на себя его неприязнь, — продолжал он. — Я не думаю, чтобы при всех этих обстоятельствах кто-нибудь стал бы меня порицать за то, что я буду ее воспитывать. Впрочем, ты и кормилице скажи что-нибудь другое...

— Это будет очень хорошо! — воскликнула Укон. А то так жалко бедняжку, что должна она расти в доме этой кормилицы, в западной части города. Ее ведь поместили туда только потому, что не было надежного человека, который бы мог ее воспитать, — говорила она.

Стояла сумеречная тишь, вид неба был прекрасен: среди увядающих растений сада, перед покоем Гэндзи, хрипло звучали голоса певчих осенних цикад; листва на клене начинала немного алеть, все было так красиво, как будто нарисовано на картине.

Укон, оглядевшись вокруг, почувствовала неожиданно для самое себя, как хорошо жить в этом доме! Вспомнила о том доме — жилище Югао, и было сладко-печально это воспоминание.

В бамбуках слышались противно-протяжные крики птиц, и Гэндзи с любовью вспомнился облик Югао, так пугливо тогда — в том уединенном жилище — внимавшей этим птицам.

— Сколько лет ей было? Удивительно... Не в пример всем другим, она всегда казалась такой слабой и юной! Верно, все это оттого, что была она не жницей на этом свете... — проговорил Гэндзи.

— Ей было девятнадцать лет! — ответила Укон. После того, как умерла моя мать и оставила меня одну на свете, отец госпожи обласкал меня и все время воспитывал подле дочери. Подумаю теперь об этом и представить себе не могу: как это я все еще могу жить на этом свете?! Теперь я так раскаиваюсь, что тогда недостаточно любила ее, такую добрую и нуждающуюся в поддержке... И, наоборот, сама привыкла искать в ней опоры... — говорила Укон.

— Именно такие женщины мягкого нрава нам и милы, и наоборот: себе на уме, никак не желающие подчиняться — так неприятны! Я сам по характеру человек нетвердый и неустойчивый, и — при такой ее мягкости — мог бы бросить ее и обмануть. Но те, кто так скромны, так готовы подчиниться всякому нашему желанию, больше других привязывают к себе наше сердце. Когда видишь, как стараются они поступить так, как мы хотим, так желаешь их и так любишь! — говорил Гэндзи.

— Она была именно такой, каких вы любите. Ах, подумаешь обо всем, как досадно, что все так случилось! — опять заплакала Укон.

Небо тем временем заволокло облаками, повеял прохладный ветер, и Гэндзи в глубокой задумчивости с тоской прошептал:

Дымок, что вознесся
С любимой костра —
Облачком вижу...
И вечернее небо
Родным стало мне!

Укон не дала ему ответа. „Если бы она была тут!“ — подумал Гэндзи про Югао, и всю грудь его стеснила тоска. Он вспомнил те звуки от каменных плит, что так навязчиво звучали в ушах тогда, и даже они показались ему теперь милыми. Шепча про себя слова из поэмы: „Эти долгие-долгие ночи“... ¹⁾ — он удалился в опочи-валбню.

Перевел с японского
Н. Конрад

¹⁾ Слова из китайской поэмы, характеризующие осеннюю ночь:

В восьмую луну, в девятую луну,
Эти долгие-долгие ночи...
Когда тысячи звуков, десятки тысяч звуков
На миг остановки не знают.